

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
по материалам второй международной
научной конференции
«Язык и культура в эпоху глобализации»**

26 марта 2015 г.

В двух частях

Часть 1

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2015**

ББК 81
Я41

Я41 Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных трудов по материалам второй международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». 26 марта 2015 г. В двух частях. Часть 1. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2015. – 287 с.

ISBN 978-5-7310-3155-4 (часть 1)
ISBN 978-5-7310-3154-7

Сборник включает материалы второй международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации», организованной гуманитарным факультетом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Конференция посвящена широкому спектру вопросов и проблем, связанных с явлением глобализации, затрагивающей и культуру, и язык.

Материалы сборника могут быть использованы при разработке учебных программ филологических факультетов, а также представляют интерес для широкого круга специалистов, интересующихся проблемами современной лингвистики.

The given volume includes a collection of papers presented at the international conference “Language and culture in the era of globalization”.

The conference is dedicated to a wide range of issues and problems related to the phenomenon of globalization, affecting both culture and language.

The papers from the collection can be of use by developing language- and culture-related courses, and might be of interest to a wide audience concerned with this overshadowed aspect of globalization.

ББК 81

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. Е.В. Белоглазова
д-р филол. наук, проф. И.В. Кононова
канд. филол. наук, ст. преп. Н.А. Алексеева
асс. Е.Ю. Иванова

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. И.Б. Руберт
д-р филол. наук, проф. Т.И. Воронцова

ISBN 978-5-7310-3155-4 (часть 1)
ISBN 978-5-7310-3154-7

© СПбГЭУ, 2015

7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Ed. by M. Mayor. – Oxford: Macmillan Education, 2006.

8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by S. Wehmeier. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Электронные ресурсы

9. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://natcorp.ox.ac.uk/>

10. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/uk>

11. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/>

12. The Observer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theobserver.com/>

13. Times Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timesonline.com/>

14. CNN News. International Headlines, Stories and Video. April 17, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2014/04/16/world/europe/ukraine-crisis/index.html>

Л. И. Шутова
Луганск, Украина

КОНЦЕПТ «БРУТАЛЬНОСТЬ» В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к когнитивной составляющей языковой картины мира. Язык, по Г. Колшанскому, – это «интериоризация мышления, облеченная в материальную форму» [4, с. 6]. Все существующее в нем является важным предметом исследования как результат движения мысли. Культурные смыслы, закрепленные в сознании носителей языка, создают свою систему, называемую концептосферой и представляющую собой объединение концептов. На сегодня существует несколько подходов к исследованию этих «оперативных единиц памяти, ментального лексикона» (Е. Кубрякова), «квантов знания» (В. Карасик), «сгустков культуры в сознании человека» (Ю. Степанов), «объективно существующих в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективных образований динамического характера» (А. Залевская), «операционных единиц мысли, единиц коллективного знания» (С. Воркачев). Для наиболее полной картины исследования на сегодня

важным является привлечение механизмов нескольких областей знания: психологии, культурологии, гендерологии, этнолингвистики и т.д.

Поскольку «опыт в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируется не произвольно, а в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира» [3, с. 122], то современное научное знание должно базироваться на исследованиях способов отображения лингвокультурных концептов как отдельных, так и нескольких культур, что дает исследователю понимание не только особенностей сознания представителей разных языковых сообществ, но и предлагает вектор дальнейших исследовательских действий.

Опираясь на понимание концепта как ментального образования, объединяющего три составляющих (понятийную, образную и ценностную), проанализируем структуру концепта «брутальность» в русской и украинской лингвокультурах. Этот термин относительно недавно активизировался в речевом обиходном употреблении двух культур, хотя не является новым для языкового сообщества (он встречается в частности, в произведениях украинского писателя Владимира Винниченко в первой половине XX века). Учитывая отсутствие данного термина во многих словарях, но активность его употребления в произведениях современной художественной литературы, в публицистическом и разговорном дискурсах, имеет смысл рассмотреть особенности функционирования его в языковом сознании русского и украинского народов.

Дефиниции этого термина отсылают к толковым словарям и словарям иностранных слов и дают такую картину: «Брутальность – свойство по значению прилагательного *брутальный*; жестокость, бесчеловечность, грубость, предельная маскулинность» [26].

Поскольку это слово является производным от слова *брутальный*, рассмотрим представленность последнего в словарях: «Брутальный [лат. *brutalis* – жестокий] – грубый, суровый, жестокий, зверский» [20]. Большой толковый словарь современного украинского языка дает два значения этого слова: «1. Грубый; жорстокий (про вдачу, поводження і т. ін.). 2. зах. Великий, сильний» [8, с. 99].

Этимологический словарь украинского языка указывает на польское посредничество этого слова из французского языка: «*brutal* – «грубый, брутальный; тваринячий, звірячий; раптовий, різкий» походить від слат. *brutalis*, пов'язаного з лат. *brūtus* «важкий; незграбний, неповороткий» [9, с. 270].

Слово «брутальный» стало исходным для других производных, сохраняющих в своей семантике признаки грубости и жесткости

(брутализм – направление в архитектуре; бруталист – архитектор, работающий с грубой поверхностью или структурой; брутальность – дебоширство).

Учитывая семантическую структуру этого слова, поданную в словарях, синонимический ряд анализируемого концепта выглядит так: *властный, грубый, жесткий, жестокий, невежественный*.

Негативную коннотацию имеет производное от прилагательного *брутальный* наречие *брутально*: *Спробував пофліртувати, але старий досить брутально відшив тебе* [1, с. 5].

Элементы брутальности могут присутствовать и в устной речи, это происходит при использовании вульгаризмов. Их характеризуют как «грубые, брутально-ругательные слова или обороты, используемые в литературном языке» [10, с. 26]. Брутальность в речи является предметом осуждения в обоих языках как отклонение от культурных норм.

Каждый язык обладает набором универсальных концептов. Неизменными в каждом из них являются концепты «мужчина» и «женщина». Гендерная лингвистика, набирающая обороты в научном поле в последнее десятилетие, имеет в своем арсенале набор ключевых понятий, которые характеризуют отношение к мужчинам и женщинам в том или ином обществе, а также их место, занимаемое в культуре страны. Таковыми являются концепты «маскулинность» и «феминность».

Гендерные концепты имеют те же характеристики, что и обычные «кванты знания». Поскольку это многомерные лингвоментальные образования, они обладают рядом признаков. Это гетерогенность, внутренняя расчлененность, а также переживаемость (влияние концептов на эмоциональную сферу человека, которому проявляют симпатию или антипатию), семиотическая плотность (тематические и синонимические ряды, поля, наличие данного понятия в литературных сюжетах, произведениях искусства и т.д.), ориентированность на план выражения (наличие парадигматических и синтагматических связей) [2, с. 77].

Социологические исследования конца XX – начала XXI веков показали трансформацию в обществе представлений о гендерной стратификации и гендерных ролях. Так, понятие брутальности сегодня тесно связывают с концептами «мужчина», «маскулинность». Мужчина и женщина – совокупность противоположных начал. Сегодня «брутальный мужчина» – это объект страсти, человек, обладающий сугубо мужскими признаками: силой, мужеством, серьезностью, хладнокровием, жесткостью, жестокостью. Понятие же «брутальная женщина» не употребляется, хотя на страницах Интернета на различных форумах обсуждается вопрос, можно ли женщину назвать брутальной. Пользователи считают, что это женщина с мужскими чертами характера и

внешностью (полное отсутствие общепринятых женских признаков), хотя таким выражением обычно не пользуются.

Так называемый актуальный слой структуры концепта (по Ю. Степанову) выявляется в коллективном сознании, представленном текстами СМИ, художественных произведений и т.д. Приведем несколько отрывков из газетных и журнальных статей: *«Какой характер у Владимира? – Брутальный. У него мощная энергетика, но, если роль ему откровенно не нравится, он халтурит»* [18]; *«У мене особисто складалось враження, що в сусідньому будиночку німецькі емігранти знімали найбільш брутальний і безсоромний фільм»* [19].

Как свидетельствуют контексты, противоположные брутальности признаки – сентиментальность (*«По крайней мере Анфисе ее нынешний ухажер (парень, кстати, очень брутальный) эту страшную тайну открыл: признался, что смотрел «Волшебную страну» и рыдал, как девочка»* [17]); слабость (*«Один брутальный на вид бизнесмен оказался, представьте, слабаком, не допытал свою жертву до предсмертных судорог, сломался раньше»* [21]).

Публицистический дискурс создает условия для формирования гендерного имиджа. Так, на страницах газет, журналов, в языке телевидения сформировался образ эдакого брутального мужчины – сурового внешне и мягкого внутри. Знакомясь с этим образом со страниц прессы, современные мужчины понимают, что в некотором роде «не дотягивают» до идеала. Кризис маскулинности, о котором начали говорить на Западе уже в 70-х годах прошлого столетия, перешел в затяжную стадию: *«Я теж, мабуть, не відповідаю їй (дружини – Л.Ш.) уявленням про мужчину. <...> Жіночий імператив завше один: ти винен і ти повинен»* [6, с. 89-90]. В романе украинской писательницы Леси Романчук «Не залишай мене надовго» показан современный мужчина глазами женщины, которой не хватает брутальности в его характере: *«Софія зрозуміла, нарешиті, чого хоче. Їй хотілося, щоб Сергій побив Максима. У справжній чоловічій бійці, без умовностей, не метафорично, кулаками»*; *«І Софія зрозуміла: усі ці роки вона була заміжня за ... не за чоловіком, це точно»* [7, с. 84-85]. Некая мужская «усредненность» стала обыденным явлением в нашем обществе: *«В постсоветском Интернет-пространстве нашел дальнейшее развитие архетип мужской несамостоятельности, особенно отчетливо проявившийся на фоне актуализации образа независимой женщины. Эта оппозиция, несамостоятельный мужчина – сильная женщина, свойственна всей славянской культуре»*, хотя, как отмечает далее Л. Компанцева, *«у украинских женщин изначально было более независимое положение в семье и общине, чем, например, у россиянок и белорусок»* [5, с. 126].

Образная составляющая концепта определяется синтагматическими связями слова. Прилагательное *брутальный* наиболее часто (если речь идет о мужчине) употребляется со словами *мужчина*, *мачо* и *самец*: «*В общем, стал совсем похож на боевика или латиноамериканского партизана. Эдакий брутальный мачо*» [22]; «*Пастернак – не тот брутальный самец, который, закрыв глаза, идет на сигнал женской плоти...*» [11].

Согласно данным украинского словаря, *мачо* – 1. Енергійний, мужній чоловік. 2. Справжній чоловік. 3. *перен.* Самець [8, с. 653]. Как видим, этот словарь относит выраженную предельную маскулинность, агрессию мужчины на периферию семантической структуры слова, подает это как переносное значение и определяет прямое номинативное значение как позитивную характеристику мужчины.

Что касается характера употребления этого слова, то анализ российских и украинских публицистических текстов показал, что восприятие и оценка слова «мачо» зависит от контекста и даже интонации. *Мачо* – не просто мужчина, а синоним понятия «супермужчина», «настоящий мужчина». Его отличительные признаки – агрессия, брутальность (читай: жесткость).

Поскольку прилагательное «брутальный» по отношению к мужчине обозначает такие качества как грубый, жестокий, суровый, зверский, то закономерным является перенос этих признаков на предметы мужской страсти или же на элементы мужского стиля жизни. Так, в прессе признак «брутальный» часто употребляют по отношению к автомобилям: «*В целом брутальный на вид Nissan Pathfinder – это такой же уход от реальности, как и подавляющее большинство постмодернистского новодела*» [14].

Отмечается также активная сочетаемость слова «брутальный» с лексикой, тематически связанной с миром спорта и кино, чаще всего это имена актеров, спортсменов или названия видов спорта: «*Еще одним соведущим станет самый брутальный актер Дмитрий Нагиев*» [12]; «*В главной роли – брутальный Константин Лавроненко, в эпизодах бегают Ингеборга Дапкунайте и Сергей Жигунов*» [23].

Анализ украиноязычных источников показал, что для украинцев негативный аспект характеристики слова «брутальный» все еще остается на высоком уровне и является ключевым: «*Ніхто не скаже, що він поганий фахівець чи брутальний брехун*» [24]; «*Але досить змінитись погоді, і я міняюсь, «душа» міняється, я роблюся злий, брутальний, аморальний, мені все огидне*» [13].

Слова *брутальный*, *брутал*, *мачо* активизировались в употреблении в сети Интернет. Они часто составляют сетевое имя пользователя. Зарегистрированные никнеймы в сети Интернет: «Брутальный покидьок»,

«Брутальный Меланхолик», «Викинг Брутальный», «Brutal», «Brutal Bunny», «Brutal Murderer», «DJ Brutal». Один из пользователей сети попросил помощи придумать ему никнейм. Название имени должно было соответствовать таким требованиям: 1) иметь смысл/перевод; 2) начинаться с букв А, С или Р; 3) смысловое наполнение «ника» – «уверенный/сильный». Среди множества советов привлек внимание такой. Некий reskiner08 пишет: «А вообще, идеальный ник для вас – Джигурда. И сильный, и смелый, и брутальный. Горячий мачо. Но начальная буква не устраивает, а жаль» [25]. Перечень никнеймов, конечно, далеко не полный. Но их существование и стремление людей к именно такой номинации в Сети объясняется попыткой создать себя как виртуальную личность, в основе которой «лежат понятия ролевой игры и импровизации. Пробуя себя в различных виртуальных образах, сетяне не только отрабатывают возможные и желаемые модели поведения, но и переформируют свой собственный внутренний мир, вырабатывают новую модель поведения в реале» [5, с. 267].

Обобщая вышесказанное, отметим, что концепт «брутальность» по отношению к человеку вообще и в русской, и в украинской лингвокультурах характеризуется такими признаками как грубость, жестокость, властность, невежественность, что имеет негативную коннотацию. Признак брутальности отмечен и в отношении к предметной сфере. Сопряженность его с концептами «маскулинность» и «мужчина» вносит в семантику позитивный компонент, поскольку во многих соответствующих контекстах этот признак – один из идеализирующих признаков мужчины для представительниц противоположного пола.

Исследование концепта «брутальность» как составляющая исследований маскулинности не является исчерпывающим, а только дополняет существующие научные данные. Перспективным, на наш взгляд, является анализ структуры данного концепта в других славянских и иных культурах.

Библиографический список

1. Андрухович Ю. Рекреції. – Львів: Піраміда, 2005.
2. Воркачев С. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76-83.
3. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010.
4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2010.

5. Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве: Монография. – Луганск: Альма-матер, 2006.

6. Костенко Л. Записки українського самашедшого. – К.: А-ба-ба-гала-ма-га, 2010.

7. Романчук Л. Не залишай мене одну. – Кн. 3. – Тернопіль: Джура, 2002.

Список лексикографических источников

8. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.

9. Етимологічний словник української мови. Том 1. – К.: Наукова думка, 1982.

10. Словник журналіста: Терміни, мас-медіа, постаті / За заг. ред. Ю. М. Бідзілі. – Ужгород: ВАТ «Видавництво «Закарпаття», 2007.

Электронные ресурсы

11. Аннинский Л. Русский человек в Хургаде и в Марбурге // Дружба народов, 2005. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/12/an21-pr.html>.

12. Брагина Л. Звезды падают в салат // Труд-7 [Электронный ресурс] 2009.12.25. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/25-12-2009/234444_zvezdy_padajut_v_salat.html.

13. Винниченко В. Чесність з собою [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrlit.org/vynnychenko_volodymyr_kyrylovych/chesnist_z_soboiu/16.

14. Гаврилов В. Народный гряземеситель // РБК Daily 2010.03.10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/autonews/562949978992100>.

15. Гаврилов В. Тест-драйв Volkswagen Touareg 4,2 TDI // РБК Daily, 2010.11.16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/autonews/562949979177629>.

16. Глушкова А. В Ставрополе состязались в красоте «медведи», «драконы» и «одуванчики» // Комсомольская правда, 2010.07.20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stav.kp.ru/daily/24525/672626>.

17. Данилова С. Мачо тоже плачут? // Комсомольская правда, 2008.10.22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24185/393319>.

18. Заозерская А. Анастасия Веденская: «Зинка – роль, которую можно ждать годами» // Труд-7, 12.07.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trud.ru/article/07-12-2010/255333>.

19. Кідрук М. Мексиканські хроніки. Історія однієї Мрії [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=128217&pages=55>.
20. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1308 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov.html>.
21. Павлючик Л. Отморозок с паяльной лампой // Труд-7, 2007.08.02. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trud.ru/article/02-08-2007/119124.html>.
22. Садулаев Г. Шалинский рейд // Знамя. – 2010. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>.
23. Соколова Н. Сочное кино // Труд-7, 2008.06.12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trud.ru/article/12-06-2008/130046.html>.
24. Тертычный А. Фонарь для Украины от Асанжа с Березовским // Украинская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2011/01/27/5831193/view_print/?attempt=1.
25. Forums [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pw.mail.ru/forums/archive/index.php/t-91619.html>.
26. Wiktionary, брутальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/брутальность>.